

Культура. - 2005. -
11 мая. - С. 11

Я не знаю своего ампула

В четвертый раз актер Александринки Александр БАРГМАН стал номинантом "Золотой Маски", в этом году — за роль Дон Жуана, удостоенной уже "Золотого Софита". В декабре прошлого года на фестивале "NET" он дебютировал в питерско-московском спектакле "Бытие № 2". А в течение пятнадцати лет работы на петербургских сценах были главные роли классической мировой драматургии, многочисленные награды (в том числе — Государственная премия) и верные почитатели актерского таланта и обаяния.

— Какую из нескольких десятков сыгранных вами ролей можно считать "визитной карточкой"? Не начали ли режиссеры тиражировать ваш сценический стереотип?

— Моя воображаемая "визитка" была бы пестрой, разностильной, разных степеней плотности и уровня дизайнерского мастерства. Что касается актерского и человеческого соединения в образах, то сегодня это — "Дон Жуан" (Театр им. Комиссаржевской, режиссер А.Морфов), моно-спектакль "Душекружение" по произведению Набокова и все сыгранное в "Таком театре". Я не знаю своего ампула. Зная его, было бы странно и глупо его тиражировать. Со стороны режиссеров я тоже ничего такого не чувствую. Замечаю лишь, что с течением времени все труднее оставаться тем, кого питерская "критическая масса" прежде называла "романтическим героем". Наверное, скорее была права мой педагог в ЛИТМиКе, назвав меня "парнем с ироничным мироощущением".

— Не каждому выпадает играть параллельно на разных сценах сразу две версии Дон Жуана (в

спектакле по Мольеру в Комиссаржевке и в "Маленьких трагедиях" Пушкина на сцене Александринки). Не пропал ли за год сосуществования "тезок" "донжуанский азарт"?

— Нисколько не пропал. Кстати, не нахожу ничего общего между этими двумя персонажами. Их объединяет только имя. Два отпечатка мифа, два разных автора, две разные истории, два разных больших режиссера (Козлов и Морфов) — у каждого своя идея. О роли мольеровского "Дон Жуана" я мечтал с юности. Каждый раз для меня великий праздник играть в этом спектакле. Это был уникальный случай, когда не нужно было говорить, когда все было понятно со взгляда, с намека. Мы репетировали всего три недели — изнуряющая работа и невероятная радость репетировать с Морфовым.

— По поводу мольеровского "Дон Жуана" один из критиков писал: "герой совершенно деромантизирован" и "превращен из фата в современное сниженное качество плейбоя". Вы согласны с таким мнением?

А. Баргман

— Не согласен. Если вынести за скобки художественные достоинства спектакля, его успех еще во многом связан с тем, что он говорит честно о времени сегодняшнем здесь, в России, и потаенном, которое есть в душе каждого из нас. Вот в американских мультяхах рисуют: на одном плече сидит белый ангел и шепчет тебе в ухо, а на другом — красный ангел и тоже шепчет. Мне кажется, эти два уха — мои, это про меня. Во мне столько же чудовища, сколько и человека доброго, правильного. Думаю, что Саша Морфов — такой же. Персональные отношения с религией, с Богом, с Церковью — довольно интим-

ные вещи, это очень колючий такой клубок, не каждый об этом говорит. Мы осмелились сказать об этом в спектакле. Все, что касается любви, если честно говорить о любви — о чувственной ее структуре, об эротической, о желании завоевывать, о необходимости переступить, бросать, — какой ценой это дается, кто за это платит? Может быть, мы кому-то рушим жизни, может, мы себе рушим жизнь, переступая через людей? Это в спектакле есть, это честно, это падает в каждого. Мне кажется, успех этого спектакля в его честности.

— Что вы готовы и чего не готовы терпеть со стороны режиссеров? Кого из режиссеров принимаете безоговорочно? В какой степени вы — сам себе режиссер?

— Терпеть, наверное, уже не могу, но действительно талантливым могу многое прощать. Григорий Козлов, Александр Морфов, Иван Вырыпаев, Виктор Рыжаков, Михаил Бычков — режиссеры, взгляду, чутью и театру которых я верю. Кстати, последняя премьера — снова с одареннейшим, фонтанирующим, фантастическим Сашей Морфовым в Театре им. Комиссаржевской. Это ранняя пьеса Брехта "Ваал". В спектакле действует рок-группа, и все ее члены внутри спектакля играют по несколько ролей. Я играю Ваала. Что касается издержек режиссерского ремесла, связанных с понятиями диктатуры, сектантства, интриг, — стараюсь избежать подобных режиссеров. Любый артист, пусть даже не самый одаренный, — сам себе режиссер в той или иной степени. Но при отсутствии полного

доверия к постановщику, этот тезис вреден и приводит к автоштампованию.

— Актер, востребованный лучшими режиссерами, играющий в Александринке, Комиссаржевке, в Театре на Литейном, в "Приюте комедианта", на Малой сцене БДТ, в последние несколько лет неожиданно пробует себя в смежных жанрах...

— Как актер, я играю еще и в т/о "Арт-Питер" и в трех спектаклях "Такого театра", созданного вместе с "капустной" компанией моих однокурсников и существующего только благодаря схожей группе крови. Мой режиссерский опыт — это совместная с А.Лушиным постановка "латиноамериканской". музыкальной комедии "Докопаться до истины-2". На питерском канале "СТО" по субботам являюсь "хозяином дня" — активно шучу несколько раз в день. По желанию и необходимости пишу разного рода тексты, стихи, музыку. Для спектакля "ДДИ-2" мы выпустили саундтрек с нашими песнями. Уже написано около 15 песен для нашего нового проекта — группы "Осадки". Это "чудовищные хиты" — наше признание в не-любови к попсе.

— Кроме эпизодов в популярных питерских сериалах, вас практически не увидишь в кино. Почему?

— В большом кино больше везет с зарубежным кинематографом: из последних работ — совместный с американцами проект "Петербург-Канн экспресс" (Россией не куплен) и швейцарская картина "Love express". Очень жалею о том, что не вышел на

телеэкраны (по неизвестным мне причинам) восьмисерийный фильм Тимура Бекмамбетова "Наши 90-е", где я играл одну из главных ролей.

— Какие эмоции связывают вас с Москвой?

— Четыре серии эпопеи под названием "Золотая Маска". Хотя к соревновательности в искусстве, а также к непредвзятому отношению уважаемого жюри отношусь с недоверием. Но всегда радуюсь приподнятому фестивальному настроению, возможности посмотреть спектакли и пообщаться с друзьями. В 2004 году часто приезжал в Москву — репетировал спектакль "Бытие № 2". Эта работа особенно для меня ценна. Играю роль "одной из сторон личности, подпавшей под влияние навязанной религиозности", что при соприкосновении с реальностью и приводит, собственно, к болезненному состоянию (болезненному ли?). Жаль, что талантливые Ваня Вырыпаев и Витя Рыжаков так и остаются неприкаемыми моторчиками, без всякой материальной поддержки.

— Почему у вас такой сердитый вид, когда вы выходите на поклонь? Как будто ходите сказать публике: "Не делом вы заняты, ребята!"

— Совсем не контролирую себя в эти моменты. Не понимаю, как вести себя в этих ситуациях — ходить эдакой счастливой птичкой, в то время как на самом деле очень устал? Я просто растерян.

Беседу вел
Светлана ПОЛЯКОВА